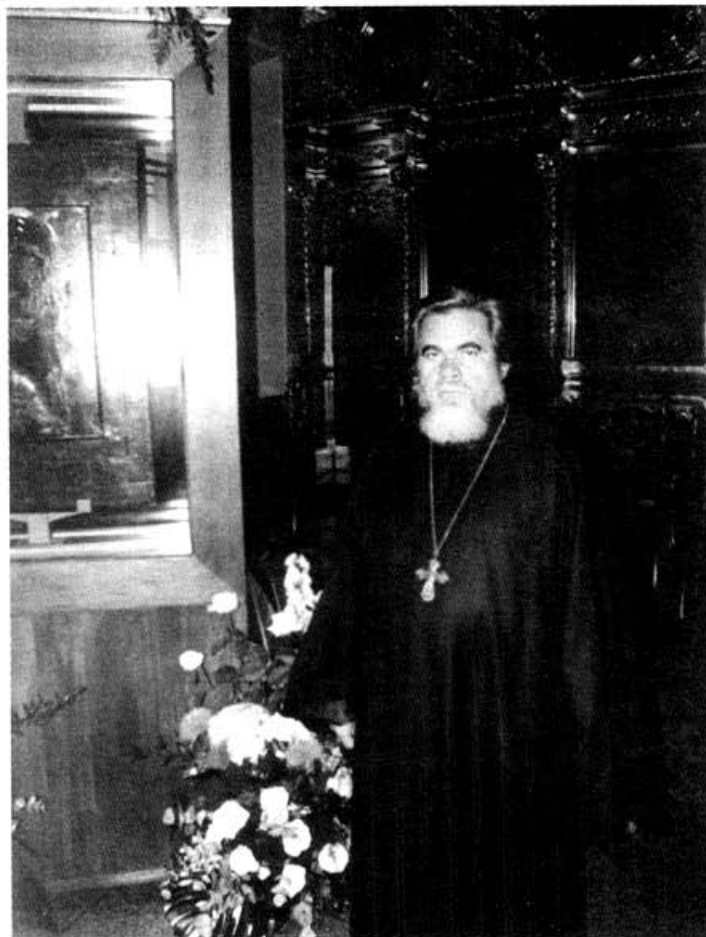

Храм при музее или музей при храме?

Уникальный, на наш взгляд, опыт взаимодействия музея и Церкви имеется сегодня в Третьяковской галерее. На ее территории воссоздан храм, в который передан целый ряд древнейших икон. Таким образом, эти святыни Земли Русской, оставаясь экспонатами музея, в то же время используются в своем исконном предназначении. О своем видении решения проблемы взаимоотношений Церкви и музея рассказывают протоиерей Николай Соколов, настоятель храма Святителя Николая в Толмачах, и научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи Людмила Владимировна Ковтырева.

— Сегодня суть основных разногласий между музеями и Церковью сводится к одному вопросу: кто будет владеть культурными ценностями, ранее принадлежавшими Церкви и имеющими ныне общенациональное значение. Какие, на Ваш взгляд, существуют пути решения данного вопроса?

Отец Николай: Сегодня в нашем обществе существуют две четко определенные сферы — духовная и светская. Некоторые вещи целиком и полностью принадлежат духовной культуре — это храмы, утварь, облачения священников, богослужебные книги, иконы, написанные для храмов. Это вещи культового употребления и должны, безусловно, использоваться по своему прямому назначению — для богослужения. Но есть и светская культура, которая прочно вошла в наш быт. Когда писались иконы, этой культуры почти не было, сегодня же она стала неотъемлемой частью нашей жизни. И главная проблема в том, что за 70 лет существования атеистического государства в музейные фонды попало множество предметов культового назначения: икон, образцов прикладного искусства, книг и так далее. Ранее все это находилось в храмах, а сегодня выставляется в музеях. Получается, что две указанные сферы жизни вступают в противоречие между собой. Но на мой взгляд, конфликта можно избежать, создавая структуры подобные той, которую, к счастью, нам удалось создать при Третьяковской галерее. Промыслом Божиим верующим был возвращен храм, имеющий более чем трехсотлетнюю историю. В нем возобновлено богослужение, но одновременно он не ушел

из ведения Третьяковки, и, как и прежде, остается хранилищем древнерусской иконы, скульптуры, живописи. Все это выставлено здесь уже не просто как в музее, а как в храме, то есть в своем исконном предназначении. Имея добрые отношения с музеем, мы по благословению Святейшего Патриарха Алексия создали общину храма-музея, в которую входят только музейные сотрудники. На мой взгляд, это идеальное решение вопроса. На почве взаимодействия музея и храма возникает новый духовный организм, в котором сосуществуют, не мешая друг другу, и светская, и духовная культуры. Церковь не вмешивается в дела музея, а музей, в свою очередь, дает свободу для отправления всех богослужений, таинств и обрядов, которые положены по уставу Церкви.

— Нередко музеи обвиняют священнослужителей в неправильном хранении предметов старины. Приходилось ли Вам сталкиваться с подобными проблемами?

О. Н.: К сожалению, во многих регионах России случаются подобные конфликты. Но в нашем храме дело обстоит иначе. Все наши прихожане — это верующие сотрудники Галереи. Первоначально в общине состоял также директор музея, ныне покойный Юрий Константинович Королев, благодаря которому и был открыт храм. Входить в конфликт с самим собой неестественно. Поэтому, если на базе музеев могут быть созданы такие условия, чтобы музейные работники, будучи зрителями, хранителями, реставраторами были бы членами того или иного православного прихода, то это может предотвратить конфликты. Ведь, действительно, наши приходы часто состоят из людей, которые понятия не имеют ни о хранении, ни об отношении к живописи или иконописи, ни о температурно-влажностном режиме. Это вызывает определенные опасения. Неграмотное обращение с произведениями искусства может привести к их гибели. А это недопустимо и с точки зрения светской, и с точки зрения духовной.

Людмила Ковтырева: Нельзя забывать о том, что икона это часть истории нашего Отечества. Ее нужно уметь хранить, и ее нужно изучать. Есть люди, которые

говорят: «Ну, что на нее смотреть, — только молиться надо и больше ничего». Мне ближе та мысль, что все-таки икону по мере сил надо пытаться постигать. Ведь каждое время имело свой язык, свое представление о прекрасном, и икона это отражает. Сегодня какие-нибудь провинциальные храмы могут потребовать, чтобы им вернули из Третьяковки их иконы. Но как, скажем, Рублева отправить в село Васильевское? Конечно, это недопустимо. И в этом смысле музей оказывается такой пристанью и гаванью, которая дает возможность встречи, поклонения и исследования, а главное, сбережения того, что есть. Может быть, придут другие времена, вопросы будут решаться иначе, но на сегодняшний день ситуация такова, что музей оказался тем местом, где собраны, сохранены и продолжают сохраняться наши национальные святыни.

— Людмила Владимировна, если я Вас правильно понял, Вы считаете, что музеи сегодня являются предпочтительным местом хранения икон?

Л.К.: Здесь есть опасность увлечься очередной экспроприацией. После революции это была экспроприация церковных ценностей, а сегодня такие же горячие головы говорят об экспроприации музейных собраний икон. Почему никто из них не заглянет в антикварные магазины. Их полки уставлены чиновными иконами, не коллекционными домашними благословенными образами, которые передавались из рода в род, а именно церковными иконами, которые были вывезены, иногда варварски и стали сегодня частной собственностью определенных людей. Посмотрите, какие цены, как оцениваются эти образы! И не у кого не возникает вопроса, почему, на каком основании они продают их. Музей-то хоть не торгует. Музей перед собой ставит благие цели. При этом музеи ругают, а об антикварных магазинах никто ничего не говорит. Ведь если эти иконы собрать и отреставрировать, то сколько храмов можно ими украсить? Иконы становятся предметом купли-продажи, контрабанды, уходят за рубеж. У нас же из музея ничего за рубеж не уходит. И пусть многие сотрудники музея были неверующими, но они понимали, чем владеют, что хранят, и берегли, как могли, и нам передали. И я чувствую эту преемственность, идущую от самого Павла Михайловича Третьякова, который очень радел за наше отечество, который хотел, чтобы его музей, его собрание, дало возможность простому человеку понять, что такое русская культура. То, что при музее открылся храм — это великое событие. Это и есть компромиссное решение вопроса. Хотя, нужно сказать, фонды музея таковы, что то, что мы имеем в храме — это еще далеко не все. Но то, что есть, можно видеть, можно исследовать, можно осмысливать и этим жить.

— Какими бы Вы хотели видеть священников, которые будут служить в храмах-музеях подобных Вашему?

О. Н.: Сегодня есть возможность и в Московских духовных школах, и в ряде других школ подготавливать священнослужителей, которые имели бы высшее светское образование и, желательно, художественное образование. Ведь человеку, имеющему специальность ху-

дожника, реставратора, музейного хранителя или просто высшее светское образование, легче будет сотрудничать с музейными структурами, которые занимаются хранением и содержанием икон в запасниках. Непременное условие для такого служения готовность идти на компромисс. Нельзя говорить: только интересы Церкви или только интересы музея. Понятно, есть вещи, не поддающиеся компромиссу: в первую очередь, это догматическое учение Церкви. Но что касается хранения, размещения, или, например, режима работы, то здесь, конечно, необходим компромисс: и ограничение посещений, и даже — при необходимости — богослужений, и какие-то плановые работы, связанные со снятием раритетов, древних икон для их реставрации. Все это вполне нормально, если к этому правильно подходить. Чтобы получить этот храм, нам в свое время пришлось пройти очень большой путь. Сейчас Вы видите его благоустроенным, в нем более 150 икон музейного хранения от XV–XVI до XIX–XX веков. И самая великая святыня России — Владимирская Богоматерь находится сейчас здесь. Но это плод многих лет трудной, сложной, но, в то же время, благодарной работы.

— Каким должен быть музейный работник, работающий с церковными ценностями? Как он должен себя вести?

О. Н.: Музейный работник приходит в храм для исполнения своих обязанностей — это очевидно. Но в то же время даже если он сам нерелигиозный человек, он должен понимать чувства верующих, которые приходят сюда с тем, чтобы не просто смотреть на иконы как на произведения искусства, а чтобы молиться перед ними. В данном случае конфликтов почти не возникает. Если у музейного работника нет той веры и того призвания, которого Господь сподобляет человека верующего, то он должен хотя бы проникнуться чувством своего долга перед Церковью, и просто как культурный человек он должен уважать ее традиции.

Людмила Владимировна, а Вы как сотрудница музея что могли бы добавить?

Л.К.: Как музейный работник я понимаю, что у меня свой путь, своя дорога и свои задачи. Они в чем-то отличаются от задач Церкви, но в целом мы делаем, как я надеюсь, Божье дело все вместе, только каждый по-своему. И я признаю власть Церкви и ее право решать какие-то проблемы, но и благодарна за то, что меня воспринимают как человека, который может и должен делать дело для русской культуры и ее истории. Как замечательно сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев, задача музейного работника — воспринять и передать. Но при этом я считаю, что в основе нашей работы с иконой, должно лежать благоговейное отношение к ней. Мало быть просто интересующимся человеком. Интересоваться можно экибаной, — цветами, садоводством, а этим надо жить. А жить — значит соучаствовать. И большинство людей, которые здесь работают, это понимают.

— То есть музейный работник, занимающийся иконами, предметами культа, должен быть верующим?

Храма Святителя Николая в Толмачах

Л.К.: На мой взгляд, да. Ведь только так можно приобщиться той тайне, которую несет в себе икона.

— Батюшка, что бы Вы могли пожелать будущим священнослужителям, которые скоро займут места в храмах с музейными ценностями? Как учиться находить возможные компромиссы?

О. Н.: Знаете, как любому священнику, можно пожелать только теплой молитвы и терпения. Как говорит апостол, сила Божия в немощи совершается. Господь, видя стремление человека, помогает ему. И не отчаивайтесь, не стремитесь получить все сразу. Было время, когда мы могли только входить сюда и совершать молебны, и так продолжалось на протяжении многих лет. Сейчас же здесь совершается полный круг богослужений.

Так, что вспоминайте почаще слова Спасителя: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19), потому что без терпения и без духовных усилий не только со стороны священника, но и всей общины, невозможно достичь ничего.

Материал подготовил Михаил Первушин, 1 курс МДА